

ЛИРА ОСКОЛЬСКАЯ

ХИРУРГИЧЕСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ →

Разный
ВЕКТОР

Лира Оскольская

Разный вектор

<https://litres.ru/74421298>

SelfPub; 2026

Аннотация

Дмитрий и Лилия работают вместе много лет. Он - осторожный и рассудительный заведующий хирургическим отделением. Она - дерзкая и бесстрашная хирург, привыкшая доверять интуиции и действовать, пока есть шанс. Когда в отделении появляется сложный пациент, их профессиональные взгляды сталкиваются. Дмитрий предлагает подождать и сначала провести лечение, Лилия настаивает на операции. И чем жарче становятся их споры, тем труднее обоим делать вид, что между ними существует только работа.

Пять лет назад они уже могли стать ближе, но одна нелепая ошибка в понимании чужих слов развела их по разным сторонам.

Теперь им предстоит выяснить, что иногда разные векторы вовсе не мешают встретиться. Особенно если речь идёт о любви.

Содержание

Пролог.	4
Глава 2. Операционный простор.	20
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ли́ра Оско́льская

Разный вектор

Пролог.

В хирургическом отделении всегда существовало несколько способов определить, насколько тяжёлым будет день.

Можно было посмотреть на расписание операций, заглянуть в список пациентов, оценить количество незнакомых фамилий на утреннем обходе или просто услышать, как в коридоре одна за другой захлопываются двери кабинетов. Но у Лилии был свой, гораздо более точный способ: она смотрела на Дмитрия.

Если он пил кофе до восьми утра, день обещал быть терпимым. Если кофе оставался нетронутым, следовало готовиться к неприятностям. А если Дмитрий вообще забывал о его существовании, лучше было не спрашивать, что случилось, а просто проверить, где лежат последние результаты анализов.

Сегодня чашка стояла на краю его стола уже почти час. Дмитрий к ней не притронулся. Лилия посмотрела на кофе, потом на него и мысленно решила, что утро действительно не задалось.

Впрочем, с Дмитрием никогда нельзя было сказать наверняка, что именно являлось причиной его дурного настроения. В свои тридцать пять он обладал редким умением выглядеть совершенно спокойным даже тогда, когда внутри у него, вероятно, рушилась половина Вселенной.

Он был высоким, крепким мужчиной с той основательной внешностью, которая особенно заметна рядом с больничной мебелью и бесконечными рядами одинаковых белых халатов. Дмитрий почти всегда носил халат, застёгнутый аккуратно и безупречно, а под ним — рубашку. Даже в самые загруженные дни он умудрялся выглядеть так, будто пять минут назад вышел из кабинета, а не провёл четыре часа в операционной.

Вне больницы его гардероб был столь же предсказуем: классические брюки, костюмы, рубашки, пальто. Джинсы в его жизни существовали примерно так же, как экзотические животные в средней полосе России: теоретически где-то были, но лично их никто никогда не видел.

Лилия однажды спросила, почему. Дмитрий посмотрел на неё совершенно серьёзно.

— В джинсах неудобно работать.

— Вы же не работаете в них.

— Вот именно.

После этого она окончательно перестала пытаться понять его гардероб.

С Лилией всё было иначе.

Она была маленькой — всего сто шестьдесят сантиметров, — и рядом с Дмитрием иногда казалась почти хрупкой. Именно казалась.

Её тёмные волосы вились от природы густыми непослушными кудрями, которые сама Лилия считала личным наказанием за какие-то неизвестные грехи. Она регулярно пыталась их выпрямлять, укладывать, собирать, договариваться с ними мирным путём, но волосы неизменно побеждали.

Особенно после тяжёлой смены.

Тогда из аккуратной причёски выбивались отдельные тёмные пряди, и Лилия становилась похожа на человека, который только что пережил небольшую катастрофу, хотя обычно именно в этот момент ей удавалось спасти кого-нибудь от гораздо большей.

Она была привлекательной и прекрасно об этом знала. Самооценкой природа её точно не обделила. При этом Лилия совершенно не стремилась выглядеть в больнице как человек, который случайно забрёл туда с деловой встречи. Пока большинство коллег предпочитало кроксы и одежду, которую можно было без сожаления отправить в стирку после любой неприятности, Лилия носила каблуки, элегантные брюки, платья, блузки и аккуратные украшения.

Перед операцией всё это исчезало. Каблуки оставались в шкафчике. Волосы собирались, украшения снимались. На ней появлялась операционная одежда, и вместе с ней исчезала последняя внешняя черта той женщины, которая мог-

ла вечером спокойно выбирать между двумя платьями для ужина.

В операционной Лилия становилась другим человеком. Там она была собранной, точной и совершенно бесстрашной. Именно поэтому, несмотря на рост, характер и привычку спорить с начальством, её давно перестали воспринимать как молодую перспективную врачиху. Лилия была одним из лучших хирургов отделения.

Дмитрий знал это лучше всех. Возможно, именно поэтому они так часто спорили.

Их больница была клинической базой медицинского института, поэтому здесь существовали сразу две жизни, которые постоянно пересекались. В отделении лечили сложных пациентов, проводили операции, обсуждали диагнозы и прогнозы, а в соседних аудиториях преподаватели читали лекции студентам, молодые врачи разбирали клинические случаи, а ординаторы пытались выглядеть так, будто понимают происходящее.

Дмитрий заведовал хирургическим отделением. Когда-то, много лет назад, его назначение вызвало разговоры. Он был протеже бывшего главного врача, и некоторые коллеги тогда считали, что тридцать с небольшим - слишком рано для такой должности. Дмитрий никому ничего не доказывал. Просто работал. Через несколько лет разговоры закончились сами собой. Он оказался хорошим заведующим. Требовательным, иногда невыносимо дотошным, временами слишком

осторожным, зато человеком, который никогда не перекладывал ответственность на других. Если решение принимал Дмитрий, отвечать за него тоже приходилось Дмитрию.

Лилия это уважала. Хотя иногда её раздражало до зубов-ного скрежета. Особенно когда его осторожность сталкивалась с её убеждённостию в том, что в хирургии иногда приходится идти на риск. Наверное, именно поэтому они были идеальной профессиональной парой. И совершенно невозможной - во всём остальном.

Они работали вместе уже несколько лет и успели узнать друг друга настолько хорошо, что могли понимать намерения по одному взгляду.

Дмитрий знал, когда Лилия начинает нервничать. Лилия знала, когда Дмитрий злится. Он мог определить по тому, как она снимает перчатки, довольна ли она операцией. Она по одному движению его руки понимала, что он собирается изменить тактику. В операционной они почти никогда не мешали друг другу.

Вне её умудрялись раздражать друг друга даже молчанием. Причём никто из них не мог толком объяснить, когда именно это началось. Вернее, объяснение существовало. Просто оба предпочитали его не вспоминать. Пять лет назад Дмитрий однажды попытался пригласить Лилию на свидание. Попытка была настолько деликатной и настолько неудачно сформулированной, что Лилия решила, будто он хочет обсудить результаты операции. Дмитрий, увидев её с

папкой медицинских документов, решил, что получил отказ. Никто из них не стал ничего уточнять. В результате они продолжили работать вместе.

Прекрасно работать вместе. И следующие пять лет каждый считал, что прекрасно понимает, почему между ними существует эта странная, едва заметная прохлада.

Хотя на самом деле никто ничего не понимал. Дмитрий был в разводе. Женился он ещё совсем молодым, в двадцать лет, когда ему казалось, что взрослую жизнь можно построить одним серьёзным решением. Не получилось. Они разошлись без большой войны, но и без желания когда-нибудь повторить этот опыт. Детей у него не было. Раньше Дмитрий относился к этому спокойно.

Теперь, в тридцать пять, спокойствие иногда давало трещину. Он всё чаще замечал возраст родителей, друзей, коллег. Смотрел на молодых отцов с детьми в больничном холле и впервые ловил себя на мысли, что когда-то тоже хотел бы услышать собственные шаги маленького человека по квартире.

Эта мысль ему не нравилась. Она казалась слишком личной. Лилия о таких вещах не думала. По крайней мере, так она утверждала. У неё были поклонники, приглашения на ужины, сообщения, которые она иногда демонстративно игнорировала, и несколько мужчин, которым, по мнению её подруг, следовало дать шанс.

Лилия считала иначе. Шанс нужно было заслужить. И ес-

ли мужчина начинал с фразы «я вообще-то не очень люблю переписываться», его шансы стремительно приближались к нулю. Дмитрий об этом не спрашивал. Лилия ему не рассказывала.

Они вообще почти никогда не разговаривали о личном. Наверное, поэтому никто в отделении не удивлялся, когда они спорили.

— Вы опять не согласны? — спросила однажды ординатор, наблюдая очередной спор на консилиуме.

Лилия даже не подняла головы от снимков.

— Я почти всегда не согласна.

Дмитрий спокойно добавил:

— Это её профессиональная обязанность.

Лилия посмотрела на него.

— А вы думаете, ваша профессиональная обязанность - всегда мне возражать?

— Только когда вы ошибаетесь.

— Значит, сегодня у вас будет тяжёлый день.

Он едва заметно улыбнулся.

— Судя по кофе - уже.

Она тоже улыбнулась. Совсем чуть-чуть.

Иногда два человека движутся в одном направлении, но настолько разными путями, что долго принимают друг друга за препятствие.

Лилии и Дмитрию предстояло выяснить, что иногда препятствие - это всего лишь другой вектор.

Глава 1. Разный вектор

Клиническая база медицинского института находилась почти в самом центре города, в старом здании, которое с первого взгляда казалось слишком красивым для больницы.

Когда-то здесь, судя по сохранившимся фотографиям в институтском архиве, был особняк с широкими лестницами, парадными залами и высокими окнами. Потом здание несколько раз перестраивали, приспособливали под нужды медицины, соединяли переходами с соседними корпусами, надстраивали технические помещения, меняли коммуникации и прятали современные системы вентиляции за аккуратными панелями. От прежней архитектуры остался своеобразный скелет: высокие потолки, полукруглые арки, колоннады вдоль центрального холла и бесконечные коридоры, в которых даже самый торопливый человек через несколько минут начинал идти чуть медленнее.

Ремонт здесь делали регулярно, однако полностью победить возраст здания было невозможно. Новая плитка соседствовала со старой лепниной, стеклянные двери с тяжелыми деревянными полотнами, а современные светильники висели там, где когда-то, вероятно, горели огромные люстры. В некоторых местах стены были выкрашены в привычный больничный оттенок, в других сквозь свежую отделку, проступала архитектура прошлого, словно здание не особенно хотело забывать, чем оно было раньше.

И именно это Дмитрию нравилось. Он вообще любил ве-

щи, которые имели историю.

В семь сорок пять утра центральный коридор уже жил своей обычной жизнью. Где-то звякнула посуда, из ординаторской донёсся короткий смех, по лестнице торопливо поднимались студенты, стараясь выглядеть так, будто совершенно не опаздывают на утреннюю конференцию. У поста медсестёр звонил телефон, из приоткрытой двери процедурного кабинета пахло антисептиком, а из окна на повороте коридора было видно кусочек двора с голыми ветвями старых лип.

Дмитрий шёл по коридору привычно быстро, но без суеты. Высокий, широкоплечий, в идеально сидящем белом халате, он производил то впечатление человека, который всегда знает, куда направляется. Даже если на самом деле за последние десять минут его планы успели измениться трижды.

— Дмитрий Сергеевич!

Он обернулся.

Ординатор первого года обучения догнал его возле колоннады, держа в руках папку и телефон одновременно.

— По Петрову результаты КТ пришли.

— Уже посмотрел?

— Пока только заключение.

— Тогда сначала посмотрите снимки, потом приходите ко мне.

Парень замялся.

— А если там...

— Если там что-то важное, тем более сначала посмотрите

сами.

Дмитрий забрал у него папку, пролистал несколько страниц и вернул обратно.

— Учиться думать самостоятельно полезнее, чем учиться угадывать, что скажет заведующий.

Ординатор кивнул с таким видом, словно получил небольшую философскую лекцию, хотя Дмитрий всего лишь хотел успеть на конференцию. Он вошёл в ординаторскую и поставил на стол стакан с кофе. Кофе был необходимой частью его утреннего распорядка, хотя никто в отделении не помнил, с какого момента это стало правилом. Дмитрий пил его крепким, без сахара и почти всегда остывшим, потому что выпить напиток горячим в хирургическом отделении удавалось примерно с той же вероятностью, что провести целый день без телефонного звонка.

На большом экране уже открылись истории болезни. Дмитрий снял часы, положил их рядом с клавиатурой и посмотрел на список пациентов. Потом его взгляд остановился на одной фамилии. Он открыл историю.

Соколов Максим Андреевич, 52 года.

Дальше шли цифры, заключения, результаты обследований, описания исследований, которые для постороннего человека выглядели бы как набор холодных медицинских формулировок. Для Дмитрия они складывались в совершенно определённую картину. Опухоль желудка. Большая, местно-распространённая. Процесс уже вышел за пределы орга-

на и вовлекал соседние ткани, включая участок поперечной ободочной кишки.

Ситуация была сложной. Но пока ещё не безнадёжной. Дмитрий задержал взгляд на последней строке КТ. Именно такие случаи он не любил оставлять без времени на обдумывание. Потому что хирургия иногда требовала решительности, а иногда умения вовремя остановиться.

— Ты опять смотришь на него так, будто он лично испортил тебе утро.

Голос раздался за спиной. Дмитрий даже не обернулся.

— Я смотрю на КТ.

— В твоём исполнении это практически одно и то же.

Теперь он повернулся. Лилия стояла в дверях, держа в одной руке планшет, а другой поправляя волосы, которые явно уже успели пережить несколько безуспешных попыток укладки. Её тёмные кудри жили собственной жизнью и, судя по выражению лица хозяйки, совершенно не собирались сегодня сотрудничать. На Лилии был белый халат поверх тёмного платья. Туфли на каблуке она сняла ещё в коридоре и несла в руке, потому что быстро ходить по больничному полу в них было неудобно. Через несколько минут она переобуется в операционную обувь, соберёт волосы и превратится в ту Лилию, которую знали все в отделении.

Сейчас же она выглядела почти беззащитно. Почти.

— Ты опоздала, — заметил Дмитрий.

— На сорок секунд.

— На минуту.

— Если ты собираешься вести учёт моих опозданий, предупреждай заранее. Я заведу встречную статистику.

— И что там будет?

— Твои случаи, когда ты говорил «это займёт пять минут», а потом исчезал на сорок.

Дмитрий едва заметно улыбнулся. Лилия заметила.

Она всегда замечала.

— Вот. Уже лучше, — сказала она и подошла к экрану.

— А теперь покажи, что ты там нашёл.

Дмитрий молча освободил место рядом. Лилия встала близко, наклонилась к монитору, и на несколько секунд между ними осталось только изображение исследования. Так было всегда.

В операционной им почти не требовались слова. Они знали друг друга достаточно давно, чтобы понимать направление движения по одному взгляду, угадывать просьбу по жесту и заранее чувствовать момент, когда партнёру понадобится помощь. За несколько лет совместной работы это превратилось в профессиональную привычку, почти в рефлекс. Дмитрий доверял Лилии в операционной больше, чем большинству людей, с которыми работал. И именно поэтому иногда она раздражала его сильнее остальных.

Потому что доверять человеку и соглашаться с ним - совершенно разные вещи.

— Смотри сюда, — сказала Лилия.

— Вижу.

— Здесь ещё можно пройти.

— Можно.

Она повернула голову.

— Тогда почему ты так смотришь?

Дмитрий увеличил изображение.

— Потому что «можно пройти» и «стоит идти сейчас» - разные вещи.

Лилия несколько секунд изучала снимок.

Улыбка исчезла с её лица.

— Ты хочешь ждать химию.

Это был уже не вопрос.

— Да.

— А если опухоль за это время станет нерезектабельной?

— Если оперировать сейчас, мы получим тяжёлую операцию с большим объёмом вмешательства и гораздо большим риском осложнений. Если добьёмся ответа на терапию, наши условия могут стать значительно лучше.

— Могут.

— Именно.

— А могут и не стать.

Дмитрий посмотрел на неё.

— Поэтому нам и нужно решение консилиума.

Лилия положила планшет на стол.

— Я бы оперировала.

Разумеется, такой ответ он от неё ждал. Лилия всегда шла

туда, где видела окно возможностей. Если существовал шанс сделать радикальную операцию сегодня, она предпочитала действовать сегодня, а не надеяться, что завтра условия станут удобнее.

Дмитрий был устроен иначе. Он любил запас прочности. Любил, когда перед сложным вмешательством были изучены все возможные риски, просчитаны варианты, подготовлена кровь, согласованы специалисты и оставалось как можно меньше пространства для случайности. Лилия считала это осторожностью. Дмитрий считал её подходом к хирургии через адреналин.

Оба прекрасно знали, что каждый из них в глубине души прав и оба терпеть не могли это признавать.

— Я подготовлю пациента к консилиуму, — сказал Дмитрий.

— Хорошо.

— И ещё раз обсудим результаты после заключения онколога.

— Хорошо.

Она забрала планшет.

Сделала два шага к двери, потом остановилась.

— Дмитрий Сергеевич.

— Да?

— Только давай сегодня без твоего любимого: «Лиля, мы не играем в рулетку».

Он поднял глаза.

— А ты без своего: «Если бояться риска, нужно было выбирать терапию, а не хирургию».

— Я никогда так не говорила.

— Говорила.

— Возможно.

Она улыбнулась и вышла. Дмитрий снова посмотрел на экран. На снимке опухоль занимала слишком много места. Он хорошо понимал, почему Лилия хочет оперировать. И именно это беспокоило его больше всего. Потому что спорить с человеком, который ошибается, легко. Гораздо труднее спорить с тем, чья точка зрения имеет основания. За окном медленно светлело утро. В старом корпусе уже начинался очередной рабочий день: открывались кабинеты, спешили на занятия студенты, в коридорах перекликались врачи, а где-то этажом ниже начиналась первая операция. Дмитрий сделал глоток давно остывшего кофе и поморщился.

На секунду он подумал о том, что последние пять лет их с Лилией отношения напоминали именно этот клинический случай. Два разных подхода. Два разных направления и странная невозможность прийти к одной точке.

Впрочем, о личном он предпочитал не думать. Особенно о Лилии. С этим у него за последние пять лет тоже ничего не получилось. И, если уж быть честным с самим собой, именно здесь он когда-то совершил свою главную ошибку. Только тогда он ещё не знал, насколько дорого иногда обходится одна неправильно понятая фраза.

Глава 2. Операционный простор.

Максима Соколова привезли в хирургическое отделение к началу обхода. Он выглядел гораздо лучше, чем говорили его снимки. Это первое, что отметил Дмитрий, когда вошёл в палату. Мужчина пятидесяти двух лет сидел на кровати, прислонившись спиной к высокой подушке, и с таким сосредоточенным видом изучал меню больничной столовой, словно собирался не проходить лечение по поводу серьёзного онкологического заболевания, а выбирать ресторан для делового ужина.

— Ну что, доктор, — сказал Соколов, едва Дмитрий приблизился к кровати, — если вы сейчас скажете, что мне нельзя кофе, я начну подозревать, что медицина вообще создана для того, чтобы лишать человека последних радостей.

Лилия, стоявшая у окна и просматривавшая результаты анализов, подняла глаза.

— Кофе вам как раз можно.

Соколов облегчённо выдохнул.

— Вот. Уже один хороший врач в палате есть.

— Я этого не говорила, — невозмутимо ответила Лилия.

Мужчина посмотрел на неё, потом на Дмитрия.

— А кто из вас главный?

— Он, — одновременно сказали оба.

Лилия первой повернула голову к Дмитрию.

— Видишь? Пациент уже умеет ориентироваться в коллективе.

— Это пока единственное, в чём он уверен, — сухо заметил Дмитрий.

Соколов рассмеялся.

— Так, всё ясно. Вы давно работаете вместе.

— Достаточно давно, — ответил Дмитрий.

— И спорите?

— Только по работе.

— Значит, часто.

Лилия не удержалась от улыбки, Дмитрий сделал вид, что не заметил. Их сегодняшнее утро начиналось с обычного обхода, однако на Соколове обычность заканчивалась. Именно из-за него уже несколько дней в отделении обсуждали результаты исследований, собирали консилиум, звонили онкологам и радиологам, поднимали старые снимки, пересматривали заключения и спорили о том, насколько далеко зашёл процесс.

Случай был из тех, которые не помещаются в одну строку диагноза. Опухоль желудка оказалась местно-распространённой. Она уже вышла за пределы стенки органа и вовлекала окружающие ткани, в том числе участок поперечной ободочной кишки. При этом отдалённых метастазов по доступным исследованиям не обнаружили.

Именно это обстоятельство и делало ситуацию одновременно тяжёлой и обнадеживающей. Если бы процесс уже

разошёлся по всему организму, разговор был бы другим, но пока существовал шанс на радикальное лечение.

Вопрос заключался в том, когда именно нужно вмешаться.

Соколов посмотрел на Дмитрия.

— Вы ведь хирург?

— Да.

— Тогда объясните мне человеческим языком, что со мной происходит.

— Опухоль желудка распространилась за пределы органа и затрагивает соседние ткани. В вашем случае есть вовлечение участка кишечника.

— То есть она решила переехать?

— Можно выразиться и так.

— А обратно её выселить можно?

Лилия прикрыла рот ладонью, скрывая улыбку. Дмитрий посмотрел на неё.

— Вам смешно?

— Немного.

— Очень профессионально.

— Я стараюсь поддерживать пациента.

— Поддерживать можно по-разному.

— Я как раз выбрала самый эффективный способ.

Соколов наблюдал за ними с нескрываемым интересом.

— А вы двое точно только по работе разговариваете?

— Максим Андреевич, — спокойно произнёс Дмитрий,

— вам сейчас совершенно не обязательно знать историю нашего отдела.

— Жаль. А я уже заинтересовался.

— Выздоровливайте, тогда расскажем.

— Вот это мотивация.

Лилия снова улыбнулась и посмотрела в историю болезни.

— Давайте всё-таки о вас.

Соколов кивнул.

— Давайте.

В палате стало тише. Шутки ушли так же быстро, как появились, потому что оба врача знали: за лёгкостью разговора стоит человек, которому сейчас приходится принимать решения, от которых зависит не абстрактная статистика, а его собственная жизнь.

Лилия положила планшет на край стола.

— Максим Андреевич, мы обсудили результаты ваших исследований. Сейчас есть два основных варианта тактики. Первый - начать системное лечение и оценить ответ опухоли, после чего вернуться к вопросу операции. Второй - рассматривать хирургическое вмешательство уже сейчас.

Соколов нахмурился.

— А вы сами между собой уже выбрали, какой вариант лучше?

Повисла короткая пауза. Дмитрий посмотрел на Лилию, она посмотрела на него. Соколов перевёл взгляд с одного на другого и вдруг усмехнулся.

— Так и думал.

— Мы обсуждаем, — сказала Лилия.

— То есть спорите.

— Обсуждаем.

— Это медицинское слово для «спорим»?

— Вполне, — призналась она.

Дмитрий вздохнул.

— Лилия Владимировна считает, что операцию стоит выполнять сейчас.

— А Дмитрий Сергеевич считает, что сначала следует провести лекарственное лечение и посмотреть, как опухоль ответит.

— И кто из вас прав?

Оба промолчали. Соколов посмотрел на них ещё несколько секунд.

— Отлично. Значит, я попал ровно туда, где медицина особенно уверена в себе.

Лилия рассмеялась, даже Дмитрий не смог удержать улыбку.

— Мы оба уверены, — сказал он. — Просто в разных вещах.

— А это уже хуже.

— Почему?

— Потому что если бы один из вас был совсем не уверен, второй мог бы его переубедить.

Лилия скрестила руки на груди.

— Вот видите, Максим Андреевич, вы уже начинаете понимать специфику хирургии.

— Я начинаю понимать специфику вас двоих.

Дмитрий перевёл разговор обратно к обследованию.

— Смотрите. Сейчас у нас есть возможность провести интенсивное системное лечение до операции. Его задача - уменьшить опухолевую массу, воздействовать на возможные микроскопические очаги заболевания и создать более благоприятные условия для хирургического этапа. После нескольких курсов мы проведём контрольное обследование и оценим ответ.

Соколов некоторое время молчал.

— А если она не уменьшится?

— Тогда тактика будет пересмотрена.

— А если увеличится?

— Тогда тоже.

— А если я скажу, что хочу убрать её сейчас?

Лилия чуть заметно подняла подбородок. Дмитрий ответил не сразу.

— Тогда мы обязаны объяснить вам, что именно будет означать такая операция.

Соколов посмотрел на Лилию.

— А вы объясните?

— Я объясню.

— Вы хотите меня оперировать.

— Да.

Дмитрий едва заметно покачал головой.

— Я считаю, что сейчас правильнее сначала получить ответ на терапию.

Соколов задумался.

— Почему?

Дмитрий подошёл к экрану и открыл изображения КТ.

— Потому что опухоль расположена таким образом, что во время операции нам, вероятнее всего, придётся работать не только с желудком. Есть вовлечение соседних тканей. Может потребоваться резекция участка кишечника. Объём операции может оказаться значительным. Чем меньше опухоль и чем чётче граница процесса после лечения, тем больше возможностей выполнить вмешательство контролируемо.

— То есть вы хотите сначала сделать её меньше.

— Именно.

Соколов посмотрел на Лилию.

— А вы почему хотите сейчас?

Она подошла к экрану. Несмотря на невысокий рост, в этот момент Лилия будто стала выше. В ней вообще происходила странная перемена, когда речь заходила о хирургии. В обычной жизни она могла спорить из-за выбора ресторана, раздражаться на собственные волосы и совершенно искренне считать каблуки лучшим изобретением человечества после антибиотиков. Но перед изображением опухоли в ней исчезала вся эта лёгкая суетливость.

Оставался только хирург- собранный, точный, упрямый.

— Потому что сейчас опухоль потенциально удалима, — сказала она. — Да, операция будет большой. Да, она может потребовать резекции соседнего участка кишки. Но на данный момент мы видим процесс, который можно попытаться удалить радикально. Я не хочу автоматически отдавать время терапии только потому, что операция станет технически проще.

— То есть вы боитесь потерять окно?

— Именно.

Дмитрий посмотрел на неё.

— А я боюсь превратить окно в дверь, которую мы захлопнем сами.

Лилия повернулась.

— Красиво сказали.

— Спасибо.

— Только смысл от этого лучше не стал.

— А должен был?

Соколов тихо рассмеялся.

— Простите, что вмешиваюсь, но правильно ли я понял? Один из вас боится, что мы потратим время, а второй, что потратим шанс на более безопасную операцию.

— В общих чертах, да, — ответил Дмитрий.

— И оба считаете, что спасаете меня от ошибки второго.

Лилия посмотрела на пациента.

— Мы считаем, что обязаны рассмотреть все варианты.

— Это очень дипломатично.

— А если я хочу знать, что выбрали бы вы, если бы на этой кровати лежал ваш близкий человек?

Дмитрий помолчал, Лилия тоже. Вопрос был простым, но ответить на него без профессиональных оговорок оказалось гораздо сложнее.

— Я бы хотел увидеть полную картину, — сказал Дмитрий. — Обсудил бы случай на консилиуме. Посмотрел бы все исследования, оценил общее состояние, риски, биологию опухоли. И только потом принимал решение.

Соколов кивнул.

— Это вы.

— А вы, Лилия Владимировна?

Она не отвела взгляда.

— Я бы спросила, сколько времени у меня есть на принятие решения. И если бы мне сказали, что окно для радикальной операции уже открыто, я бы очень серьёзно подумала о том, чтобы им воспользоваться.

— Вот, — сказал Соколов. — Теперь я понимаю, почему вы спорите.

— Мы не спорим, — автоматически произнесла Лилия.

Дмитрий посмотрел на неё.

— Сейчас спорим.

Она фыркнула.

— Ладно. Сейчас спорим.

В этот момент дверь палаты открылась. Вошла медсестра Валентина Николаевна женщина лет пятидесяти с таким вы-

ражением лица, словно весь больничный персонал состоял из людей, которых лично ей приходилось спасать от последствий их собственных решений.

В руках она держала небольшой пластиковый контейнер.

— Соколов.

— Я.

— Вам передали.

— Что?

— Я не знаю.

Она поставила контейнер на тумбочку.

— А кто передал?

— Женщина.

— Какая женщина?

Валентина Николаевна задумалась.

— Обычная.

Лилия посмотрела на неё.

— В каком смысле обычный?

— В человеческом.

Дмитрий опустил глаза, скрывая улыбку.

— Валентина Николаевна, — терпеливо сказал он, — что в контейнере?

— Понятия не имею.

— А почему вы принесли его пациенту?

— Потому что передали пациенту.

— А если там что-нибудь запрещённое?

Медсестра посмотрела на контейнер.

— Тогда я скажу, что это не я приносила.

Соколов рассмеялся.

— Валентина Николаевна, а вдруг там бомба?

— Тогда я точно скажу, что не я.

— Очень предусмотрительно.

— Я в больнице тридцать лет работаю. Предусмотрительность - мой главный профессиональный навык.

Лилия открыла контейнер. Внутри лежали два аккуратно нарезанных яблока, пирог и небольшая записка.

— Вам жена принесла? — спросила она.

— Бывшая.

— Тогда почему приносит?

Соколов пожал плечами.

— Может, всё ещё надеется, что я стану вести себя прилично.

Валентина Николаевна уже направилась к двери.

— Я бы не надеялась.

Соколов посмотрел ей вслед.

— Спасибо за поддержку.

— Всегда пожалуйста.

Дверь закрылась. Несколько секунд в палате царила тишина, потом Лилия рассмеялась первой.

Дмитрий тоже улыбнулся.

— Удивительная женщина, — сказал Соколов.

— Вы ещё её не видели в пять утра, когда кто-нибудь не подписал историю болезни, - заметила Лилия.

— А что будет?

— Лучше вам не знать.

— А вы?

— Я знаю. Поэтому стараюсь всё подписывать.

Дмитрий посмотрел на неё.

— Не всегда.

— Дмитрий Сергеевич, вы сейчас решили испортить мою репутацию перед пациентом?

— Я просто уточнил.

— Очень благородно.

Соколов переводил взгляд с одного врача на другого.

— Я начинаю думать, что ваш спор существует исключительно для того, чтобы вам было о чём разговаривать.

Фраза была сказана шутя, но почему-то попала слишком точно.

— Максим Андреевич, — спокойно произнес Дмитрий, — мы разговариваем исключительно по медицинским вопросам.

— Конечно.

— Именно.

— Я понял.

Он снова взял меню.

— Тогда оставлю вас обсуждать исключительно желудок и кишечник.

Лилия отвернулась к окну, чтобы Соколов не заметил её улыбку. Дмитрий сделал вид, что рассматривает результаты

анализов. Они слишком хорошо знали друг друга, чтобы не понимать: пациент попал в неприятно точное наблюдение.

После обхода они вышли в коридор. За стеклянными дверями напротив уже собрались студенты. Несколько человек ждали преподавателя, переговаривались вполголоса и время от времени заглядывали в планшеты. Кто-то пытался незаметно допить кофе, пока его не увидели преподаватели, а кто-то с совершенно серьёзным видом повторял анатомию перед занятием.

Лилия остановилась возле окна.

— Ты ведь понимаешь, что я права?

Дмитрий продолжил идти.

— Разумеется.

Она повернулась к нему.

— И всё?

— Что именно ты хочешь услышать?

— Хотя бы попытку возразить.

— Я только что двадцать минут возражал.

— Нет. Ты двадцать минут объяснял свою позицию.

— Это и называется возражать.

— Для тебя- возможно.

Он остановился.

— Лиль, я не против операции как таковой. Я против операции сейчас.

— А я против того, чтобы мы отдавали пациенту несколько месяцев только ради того, чтобы потом получить более

красивую КТ.

— Это не вопрос красоты снимка.

— Я знаю.

— Тогда почему ты говоришь об этом так, будто я просто боюсь?

Она слегка прищурилась.

— Потому что ты боишься.

Дмитрий посмотрел на неё спокойно.

— Конечно, боюсь.

Ответ оказался настолько прямым, что Лилия на мгновение растерялась.

Он продолжил:

— Я боюсь осложнений. Боюсь нерадикальной операции. Боюсь, что мы сейчас войдём в ситуацию, из которой потом не сможем выйти тем способом, который даст пациенту лучший шанс.

Лилия медленно кивнула.

— А я боюсь другого.

— Знаю.

— Что мы будем слишком долго ждать идеального момента, которого медицина вообще редко предоставляет.

Дмитрий посмотрел на неё внимательнее. За это он её и ценил. Лилия могла быть резкой, упрямой, задиристой, иногда совершенно невыносимой, но она никогда не боялась смотреть на проблему прямо.

Она не пряталась за формулировками.

— Поэтому и нужен консилиум, — сказал он.

— Конечно.

— И поэтому я не собираюсь запрещать тебе отстаивать свою позицию.

— Как великодушно.

— Я серьёзно.

— А я серьёзно считаю, что ты иногда слишком долго думаешь.

— Зато редко жалею о том, что сделал.

Она улыбнулась.

— А я редко жалею о том, что сделала.

— Я знаю.

— Тогда у нас проблема.

— У нас всегда была проблема.

Она посмотрела на него, на секунду между ними повисло что-то совсем другое. Фраза прозвучала двусмысленно, хотя Дмитрий совершенно точно не собирался вкладывать в неё ничего личного. По крайней мере, так он решил.

Лилия первой отвела взгляд.

— Я пойду к онкологу.

— Хорошо.

— И хочу, чтобы на консилиуме мы рассмотрели оба варианта.

— Разумеется.

— И чтобы решение принималось не потому, что заведующий любит осторожность.

Дмитрий чуть приподнял бровь.

— А потому, что хирург любит риск?

— Видишь, как быстро ты учишься.

Она развернулась и пошла по коридору. Дмитрий смотрел ей вслед несколько секунд. Потом заметил ординатора, который стоял у двери и явно наблюдал за ними.

— Что?

Парень вздрогнул.

— Ничего.

— Тогда почему смотришь?

— Я думал, вы опять спорите.

— Мы обсуждали пациента.

— Конечно.

Дмитрий прищурился.

— Ты хочешь что-то сказать?

— Нет.

— Хорошо.

Ординатор кивнул, сделал шаг, потом всё-таки остановился.

— Дмитрий Сергеевич?

— Да?

— А если вы с Лилией Владимировной когда-нибудь поженитесь, кто из вас будет решать, где отпуск проводить?

Дмитрий медленно посмотрел на него. Парень покраснел.

— Я просто...

— Ты просто сейчас пойдёшь и посмотришь Петрова.

— Да.

— И очень внимательно.

— Да.

Ординатор исчез за дверью. Дмитрий ещё несколько секунд стоял неподвижно. Потом неожиданно для самого себя усмехнулся. Поженитесь. Ерунда какая. Совершенно несвоевременная, абсурдная и совершенно невозможная мысль.

Он направился в сторону ординаторской и почти сразу увидел Лилию. Она стояла у поста медсестры и что-то объясняла Валентине Николаевне, активно жестикулируя.

— Нет, Валентина Николаевна, я говорю вам, что этот анализ должен быть в истории.

— Я уже положила.

— Куда?

— В историю.

— В какую?

— В медицинскую.

Лилия закрыла глаза.

— У нас все истории медицинские.

— Вот и прекрасно.

Дмитрий остановился в нескольких метрах. Валентина Николаевна заметила его первой.

— Дмитрий Сергеевич, объясните ей.

— Что именно?

— Что если я положила бумагу в историю, значит, она там лежит.

Лилия повернулась к нему.

— Скажи ей, что истории бывают разные.

— Валентина Николаевна права.

— Вот видишь!

— Но анализ всё равно нужно найти.

— Спасибо, — торжественно сказала Лилия. — Теперь объясни ей это.

Дмитрий посмотрел на медсестру.

— Валентина Николаевна, найдите анализ.

— Я знала, что вы меня поймёте.

Она ушла, Лилия проводила её взглядом.

— Как ты это делаешь?

— Что именно?

— Говоришь с людьми так, что они делают то, что ты попросил, и ещё благодарят.

— Опыт.

— Я тоже хочу.

— Не получится.

— Почему?

— Ты слишком быстро споришь.

Она улыбнулась.

— А ты слишком медленно признаёшь, что я права.

— Это тоже опыт.

Лилия покачала головой.

— Пять лет, Дмитрий Сергеевич.

Он посмотрел на неё. Она тоже посмотрела. Пять лет. Они

оба знали, о чём речь, хотя ни один не произнёс этого вслух. Пять лет назад всё было проще и одновременно почему-то гораздо сложнее. Дмитрий тогда тоже считал, что умеет говорить достаточно ясно. Оказалось - нет.

Он слишком осторожно сформулировал одну простую просьбу. Лилия слишком буквально её поняла. А дальше каждый из них пошёл своим вектором, даже не подозревая, что когда-то они могли выбрать один.

— Что? — спросила Лилия, заметив его взгляд.

Дмитрий моргнул.

— Ничего.

— Ты опять задумался.

— Бывает.

— Осторожнее. Для тебя это опасно.

— Почему?

— Вдруг однажды додумаешься до чего-нибудь важного.

Она забрала папку со стола и ушла. Дмитрий остался в коридоре. Вокруг продолжалась обычная жизнь клинической базы: хлопали двери, звонили телефоны, торопились студенты, медсёстры спорили из-за историй болезни, из операционного блока уже вывозили первую каталку.

Здание жило своим привычным ритмом. А где-то между старых арок, высоких потолков и длинных коридоров два человека снова шли в разные стороны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.